

ЗДРАВСТВУЙ, КРАСНОЯРСК!

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

ВОТ ОН — величавый, полноводный и могучий красавец Енисей... Стремительно мчит он свои воды среди лесов, полей и гор, и кажется, нет такой силы, которая могла бы подчинить богатырскую реку своей воле. Но есть она: эта сила на нашей матушке-земле! Так же как силою, волей и умением советских чиновников, были перекрыты за последние годы Волга, Горькая Кубань, Ставрополь, так же будут перекрыты Енисей, Томь, Иртыш, Амур, так же будет перекрыт Енисей, и вот здесь, на этом самом месте, что заснял фотограф-портрет, возникнет на его берегу самая крупная в мире гидроэлектростанция — Красноярская ГЭС. И еще краше, еще величавее станет Енисей, река богатырская...

На своем месте

СКОЛЬКО оттенков зеленого цвета может различить глаз человека? Черная зелень лесов и соснов, синие ели, как нежная травка, наряд освещенных солнцем лиственниц, светлый блеск прелестных берез, зеленое буйство тополей, жесткие осины. А когда все это зеленое море приходит в движение и тусклые лиственцы плязгучи извиваются вверх серебряной кандалкой, — видимым становится ветер.

Но тысячу раз больше видят ученым, проходя по сумрачным и сырьим тропам сибирского леса. Его опытный глаз — глаз художника и исследователя — зорко читает эти зеленые книжки: видят затасленные обрывы, скосы деревьев друг с другом, горные победы в борьбе против стихии.

Склонясь над микроскопом, ученый рассматривает фотографию, испещренную темными и светлыми пятнами. Это дальнейшие аэрофотосъемки, по ним можно узнать очень многое: и рельеф местности, и породы деревьев, и даже по генам высоту дрёвостоек.

И живой лес, и его «академия» — рядом друг с другом: недавно Институт леса и древесины Академии наук ССР переехал из Москвы в Красноярск. Пять лет докторов наук и четырнадцать кандидатов да около трехсот сотрудников института уже работают здесь — и увеличенно, широко, с гордостью за свою необозримое, богатейшее хозяйство!

— «На новом месте» — вы сказали? Но для нас, старшего поколения, эти места совсем не новы, — говорят мне мои собеседники, два профессора, Николай Иванович Пьяченко и Леонид Федорович Правдин. — Сколько раз мы бывали здесь в экспедициях. Это скорее похоже на возвращение в родной дом. Ведь только в Красноярском крае пятьдесят часть всех лесов нашей страны, а мы уже ныне отправили экспедиции в Якутию, и на Алтай, Иркутскую область, в Читинскую. А потом пошли и в Кемеровскую область, и на Дальний Восток. А европейская часть ведь с научной точки зрения тоже «провинция» лесной Сибири, только более белая. Придется въезжать и туда. Запечатленные научные круги очень были разы на нашем институту, и, несомненно, местные калбы станут ядрами нашего будущего коллектива. Конечно, московские не все едут сюда охотно, но мы применяем в таких случаях несложный прием: даем им командировку в Красноярский край, и они возвращаются до того очарованных этой лесной целиной, что никаких колебаний потом не остается.

Затем ученые начинают разговаривать на «гигантском языке», над которым, когда-то смился Герцен. Насколько можно разобраться, институт занимается многими десятками вопросов и доброй сотней наук. Фитопатология, пирология, таксация, экология, химия терпеноев. В этих названиях не разберешься без знания латыни и греческого языка.

Впрочем, в переводе на обычный русский язык все это выглядит куда проще. Гидролиз — получение спирта из опилок, пирология — наука о лесных пожарах. Большое богатство губит в Сибири огнь, и нужно уметь предупредить пожары и бороться с ними. В Сибири одной из основных научных проблем становится химия древесины. Но не будут свернуты работы по биологии леса и лесоводству.

— Одно изучение болот — целый комплекс наук, — говорит профессор Пьяченко. — Смешно думать, что я могу быть специалистом по всем вопросам, связанным с изучением болот. Моя область — лесные болота, другие изучают болота равнинные, и знаете, почему-то никто не хочет осушать болота Сибири, — с некоторой обидой добавляет он. — А ведь их здесь много миллионов гектаров. Толкуют, что здесь и без того хватит земли...

Выглядываете вокруг. Как же это — такого не бывает...

Оказывается, бывает. Виктор Алексеевич Михайлов стоит около коричневого зеленого лица — чуть больше портфеля. Металлический хлыст антенн поднимается над травой. В руках у Михайлова предмет не больше школьного пенала. Это пульт управления.

Изучать леса Сибири? Использовать лесные богатства края? Этого мало жаждут советским ученым. А что, если ускорить рост некоторых древесных пород, вывести новые, улучшить качество древесины? А кедр? Он ценен не только сам по себе в границах его распространения всегда живет сибирь. Надо изучить эту связь: разве не заманчиво как можно шире по стране расселить сибирь?

А плодовые деревья? Раньше Сибирь не знала фруктов, а теперь на окраинах городов цветут яблони... Почему бы в будущем не развести виноградные сады и ореховые леса в Сибири? А газификация торфа прямо в болотах? Это целая революция в науке!

Не нужно думать, что тип учченого

КРАЙ-ГИГАНТ

Евг. РЯБЧИКОВ

ЗДРАВСТВУЙ, Красноярск, близкий сердцу, давно полюбившийся город! Всматриваюсь, как и прежде, в твои сильные и властные черты и поначалу вижу все то же, что было и прежде: стоянь ты в полу-круже горных увалов — вон Дрокины высоты, Афонты гора, Карапульная скопка.

К городу подступает тайга. Не какой-либо сосновый борок или бересковая рощица нашей милой среднерусской равнины, а глухомань с медвежьими буреломами и непролазными топями, лежками зверя. И разрезает надвое город — вспененная, неистовая, все в брызгах и водоворотах река. Кто увидел окрест себя и эти горы, и эти тайги, и Енисей, наверняка, восхликает: вот здешнее и вправь Сибирью пахнет!

До революции город рос медленно. Нападала на него порой сонная одурь, сменявшаяся эпидемиями золотых лихорадок. Однокие пароходы, нещадно чадя, нарушили бешемые реки в час прощания с Большой землей, когда уходили за Полярный круг — на край земли.

Царские чиновники и вправь считали Красноярск краем света. Именно сюда, к которым далеко не все благодущично. Институт занимает в этом доме только две комнаты, а все остальное помещение занято другими учреждениями, которые не желают отсюда уезжать. Наука сотрудники ютятся чуть ли не на чердаке, где они устроили мужское и женское общежитие: обещанный квартирный пост не был. Чтобы облегчить «жилищный кризис», пришло многих работников разослать в комендантку и даже содержать в Москве. Когда они приедут, им негде будет обрабатывать материалы: не оборудованы лаборатории, не прибыло оборудование из Москвы...

Но учеными — старые и молодые, умудренные опытом и совсем еще не оперившиеся, — не жалуются на трудности. Их не оставляет ощущение необыкновенной новизны мира, которое они испытывают, едва поезд перевалил через Урал и перед ними открылись дали Сибири. Они хотят только одного: скорее начать работать! Поворачивается спиной к неустроенным будням сегодняшнего дня, они уже живут в будущем. В чудесном месте, в семи километрах от города, высоко на берегу Енисея институту выделен участок земли около речного вокзала в Красноярске, стоящий сейчас в пленкиглассовом фитиле макет парохода «Святой Николай». На нем уезжал в Минусинск Ленин. Из Минусинска на подводе в сопровождении жандармов Владимира Ильин прибыл в глухое мрачное село Шушенское. Там создал он более тридцати классических произведений, там вынашивал Ильин идею общерусской политической газеты, вышел в число ведущих, всемирно известных индустриальных центров страны.

Говорят о Красноярске, о Красноярском крае, — значит говорить прежде всего о выношенных и выстраданных на берегу Енисея Ленинских идеях, о его мечтах, о ленинских планах.

Красноярск был цитаделью революции: Ленин разжег искры революционной борьбы в сибирской дали. Его соратники, люди великого долга, — Н. Крупская, Г. Кожиновский, П. Лепешинский и другие мужественные борцы за дело партии несли сибирякам ленинские идеалы.

Свободолюбивы сибиряки! Это он взбрался на скалы в заповедном таежном месте Столбы и писал на головокружительной высоте засветное слово: свобода! Жандармы обнаружили, и если удалось им уничтожить «граммо», то наутро смельчаки-рабочие забирались на скалу и там вновь писали: свобода! Красноярец, потомок вольных сибирских казаков, великий русский художник Василий Иванович Суриков запечатлев на своих полотнах образы смелых, гордых, неустрашимых, верных свободе сибиряков-красноярец.

И вот эти люди, получив свободу, окрыленные ленинскими идеалами, преобразовали свою землю.

Красноярск поражает уже не столько своим Енисеем, своими горами, седой тайгой, всем тем, что щедро отблагодарил советского человека.

Будущее! При этом слове ученые невольно улыбаются — оно уже видимо и почти осязаемо, оно рядом с ними!

Некогда поэты смеялись над смелыми людьми, мечтавшими учинить соловью петь или раскрыть лилию. Наши ученые, охваченные великой мечтой, хотят слепить природу еще более блестательной, пышной и великолепной. И это будет так, потому что природа Сибири, как и вся земля, на которой она существует, несет в себе генетическую память, способную рождать новые виды.

Красноярск поражает уже не столько своим Енисеем, своими горами, седой тайгой, всем тем, что щедро отблагодарил советского человека.

Как быть? Ведь он находится на расстоянии нескольких километров от тракториста.

Или другой пример. В местах поворота тракторист вынужден на ходу пригнуть машину, а затем бежать обратно несколько десятков метров к следующему трактору. Это и тяжело, и не безопасно.

Наконец, сельском хозяйстве есть целый ряд работ, которые производятся без борозды: боронование, посев, работа с грейдером — здесь автоматизация с коноприем вообще невозможна. Радиотрактор снимает эти недостатки.

— Когда трактор пашет, — продолжает Виктор Алексеевич, — он идет по коноприи Логинова. Если трактор идет от нас на несколько километров, все равно в бинокль можно заметить, следит он коноприя или нет. Можно многое поправить его ход. Но другие сельскохозяйственные работы не нуждаются в коноприи. Трактор может выполнить их по радиокоманде.

Заставив машину проделать еще несколько пируэтов, Михайлов направляет ее к нам. Мы разбегаемся. Но трактор уже остановился в нескольких шагах от нас.

Мы окружаем трактор. Руководитель конструкторской группы Болеслав Михайлов Супруненко — широколицый красавец — показывает смуглолицую машину.

— Радиоуправляемый трактор является продолжением идей Логинова, — рассказывает Виктор Алексеевич Михайлов, руководитель отделения проектирования Красноярского совхоза.

— При всех своих достоинствах изобретение Логинова может быть значительно усовершенствовано. Представьте себе на мгновение, что автоматический трактор почему-либо сбился с борозды.

Итак, мы на опытном поле в нескольких километрах от Красноярска, где проходят испытания первого трактора.

— Началось это совсем недавно. Молодой широколицый тракторист целинных земель Павловодарской области Иван Логинов предложил идею, которая за-

Здесь, куда ни посмотришь, во всем ощущаешь напряженные темпы жизни Красноярска наших дней.

Семилетка вывела на передний край науки. Без науки невозможно развивать промышленность, внедрять автоматику, повышать темпы. И вот в Красноярск переведены поближе к таежным местам Институт леса, древесины Академии наук ССР, Институт цветных металлов имени М. И. Калинина; создан Институт физики; организованы творческие союзы, городское научно-техническое общество.

Трудно еще с жильем и помещениями для лабораторий новых институтов, но на Афонтовой горе в живописном месте на Енисее возводят корпуса для общежитий студентов, в других местах строят корпуса для лабораторий.

В городе только и разговоры сейчас о том, что Красноярской крайне необходимо университет. Какое, казалось бы, дело до университета шоферу такси и шиншилеру? Семилетка дала гордую реку. Она идет через пороги, Торчат гранитные рога, И то гористы, то пологи Ее цветные берега. Все в ней свежо и самобытно, Все оставляет в сердце след: И норов крут, и дно гранитно, И красоты подобной нет. Синеет дым над желтым плесом, Горят костицы невиданеке.. И вдруг пахнет смолистым тесом, — Плоты проходят по реке. А на плотах, сквозных, неровных, Любя нехитрый свой уют, Плотовщики на мокрых бревнах Стеньки Рязань поют. Да! обнялась с тайгой и небом, Весна пришла с севера баржи с хлебом, Идут на юг лесовики. Проходят медленные баржи, Их тянут волны под бока, От Минусинска до Игарки Кипит, работает река. Все в ней свежо и самобытно, Все оставляет в сердце след.. И норов крут, и дно гранитно, И красоты подобной нет.

Сергей ОСТРОВОЙ

ЕНИСЕЙ

От ветра, от дождей лысея,

Качая тени на волнах,

Над вольной ширью Енисея

Колдует каменный «манх».

Над ним в грозу клубятся тучи,

Висят на сосновых облаках..

Сквозь дали-дальние, сквозь кручи

Пробилась горная река.

Идет через пороги,

Торчат гранитные рога,

И то гористы, то пологи

Ее цветные берега.

Все в ней свежо и самобытно,

Все оставляет в сердце след:

И норов крут, и дно гранитно,

И красоты подобной нет.

Синеет дым над желтым плесом,

Горят костицы невиданеке..

И вдруг пахнет смолистым тесом, —

Плоты проходят по реке.

А на плотах, сквозных, неровных,

Любя нехитрый свой уют,

Плотовщики на мокрых бревнах

Стеньки Рязань поют.

Да! обнялась с тайгой и небом,

Идут на юг лесовики.

Проходят медленные баржи, —

Их тянут волны под бока,

От Минусинска до Игарки

Кипит, работает река.

Все в ней свежо и самобытно,

Все оставляет в сердце след..

И н

ЕЩЕ О ПРОСТОТЕ И ПРИМИТИВНОСТИ

Ответ поэта И. Абашидзе читателю А. Волкову: понравился мне не в силу, конечно, личевой солидарности с его автором, потому что не редко еще приходится встречать читательской, не только рассуждающих о литературе довольно примитивно, но и предъявляющих к писателю соответственно примитивные претензии.

Об этом мы должны говорить с нашим большим советским читателем так же откровенно, как откровенно говорит он с нами...

Среди многих читательских писем, умно, точно и часто очень справедливо критически оценивающих наши книги, встречаются и такие, содержание которых и печалит, и возмущает. Подобные письма весьма красноречиво говорят о низком культурно-эстетическом уровне их авторов. А тем не менее эти товариши почему-то пытаются поучать.

Было со мной однажды такое. Сосед по свадебному столу, хороший старик и не плохой человек, изводил меня весь вечер наставлениями: скверно пишет ваш брат, надо, мол, лучше отображать, изображать, отвлекаться... Я, дав ему возможность и высказаться, и повторить самого себя не едва ли спросил, а что он читал из моих вещей? Товарищ ответил:

— Ничего не читал. Но это неважно.

— Как неважно? Я ведь не учю вас, как стоять делать. По какому же тогда праву, да еще на свадьбе, где положено веселиться, вы поучаете меня?

Такого или почти такого же центиля или наставника нет-нет да и встретишь на пути. Одного из них я видел не так давно на транспонте. Он был возழан в этом до глубины души, хотя, как признался потом, не читал ни одной вещи, которые с большим апломбом и развязностью приговаривали.

Грустно в наше время получать читательские письма с такими, например, до уныния однообразными вопросами о героях произведений: «Как же поживает теперь Гала? — вышла она замуж за Сергея или еще нет, или может быть, он полюбил другую?» Грустно и обидно за читателя, который, имея среднее и даже высшее образование, не знает, хотя бы приблизительно, разницу между правдой факта и правдой искусства, который любит только то, что развлекает, что «легко читаются», щекочет самые «общепринятые чувства», который пишет и находит в художественной литературе так до болиного мала.

И вот один из таких читателей звонит:

— Мы тут проводим в деревне обсуждение вашей повести. И пейзаж, понимаете, почти сходится. То, что у вас есть два брата, как и в повести, тоже верно. Но вот сестры-то у вас в семье нет, а в повести она есть... Как это объяснить народу?

И приходится объяснять этому товарищу

ЧИТАТЕЛЬ ПРОДОЛЖАЕТ РАЗГОВОР...

С ПОРО том, что такое в литературе простота, возможна между писателем Ираклием Абашидзе и читателем Александром Волковым. 25 апреля в нашей газете была опубликована переписка между ними. В редакции стали поступать письма-отклики. Большинство читателей не согласно с А. Волковым. Особо единодушные и энергичные упреки вызывают заинтересованный фраза его письма: «...народ любит те произведения, которые разжеваны автором до мельчайших частичек, и чтобы, когда проглотишь это разжеванное, на языке остался вкус проглоченного...»

«Советского читателя... не накормишь кашкой», — пишет С. Ковалевчик из Блиссии... Я люблю читать такие книги, после которых хочется записать на память свои мысли, рожденные под впечатлением прочитанного. Разжеванное иногда хочется выплюнуть, книги таких старательных авторов просто не читаются».

«Если книга не будет мыслей, то грош ей цена», — замечает москвич М. Данилов, словно суммируя мнения Б. Самодурова (г. Семёнов, Горьковская область), П. Салтана (Запорожье), А. Абдуллина (Ташкент), В. Соколова (пос. Нескиски, Магаданская область) и многих других.

В. Красюк из села Высоцы Ровенской области спрашивало замечает, что взгляды, подобные высказанным А. Волковым, распространены, к сожалению, довольно широко, а причину видят, в частности, в том, что некоторые писатели, а также те, в чьих руках находятся судьбы произведений, подчас уверены, что нужно «разжевывать» это, безусловно, ведет к снижению высокого эстетического вкуса и ничего общего с народностью не имеет, а является, как правильно говорит И. Абашидзе в своей статье, одним из признаков отставания литературы от жизни народа. «Увлечь читателя в сложный интересный мир — вот задача писателя, по мнению Р. Гуревича (Кременчуг).

Несколько авторов выступают в поддержку А. Волкова. Группа читателей из Пятигорска, например, соглашается с тем, что нам нужны книги, которые «затягивают» и глубоко думать, упрекает И. Абашидзе в том, что он призывает к усложненности.

Правильный ли это упрек? Требовать от литераторов ясности и простоты — спрашивали и законом. Но нам думается, Ираклий Абашидзе, исчерпывающе объясняет суть дела: «Простота в искусстве — это не «разжеванность до мельчайших частичек», когда читатель до такой степени вечно ясно, что прочел, проглотил, и помнить не о чем. Нам нужно мастерство, нам нужны большие и «невротичные» мысли о нашем сложном времени... мир настоящего искусства — это сложный мир!»

Очредно сознавать, что большинство наших читателей думает так же. Читатели хотят, чтобы писатель помогал им широко видеть мир, глубоко понимать его, с тем чтобы действовать, строить, жить осознанней и мудреей.

Правильный ли это упрек? Требовать от литераторов ясности и простоты — спрашивали и законом. Но нам думается, Ираклий Абашидзе, исчерпывающе объясняет суть дела: «Простота в искусстве — это не «разжеванность до мельчайших частичек», когда читатель до такой степени вечно ясно, что прочел, проглотил, и помнить не о чем. Нам нужно мастерство, нам нужны большие и «невротичные» мысли о нашем сложном времени... мир настоящего искусства — это сложный мир!»

Очредно сознавать, что большинство наших читателей думает так же. Читатели хотят, чтобы писатель помогал им широко видеть мир, глубоко понимать его, с тем чтобы действовать, строить, жить осознанней и мудреей.

Правильный ли это упрек? Требовать от литераторов ясности и простоты — спрашивали и законом. Но нам думается, Ираклий Абашидзе, исчерпывающе объясняет суть дела: «Простота в искусстве — это не «разжеванность до мельчайших частичек», когда читатель до такой степени вечно ясно, что прочел, проглотил, и помнить не о чем. Нам нужно мастерство, нам нужны большие и «невротичные» мысли о нашем сложном времени... мир настоящего искусства — это сложный мир!»

Очредно сознавать, что большинство наших читателей думает так же. Читатели хотят, чтобы писатель помогал им широко видеть мир, глубоко понимать его, с тем чтобы действовать, строить, жить осознанней и мудреей.

Правильный ли это упрек? Требовать от литераторов ясности и простоты — спрашивали и законом. Но нам думается, Ираклий Абашидзе, исчерпывающе объясняет суть дела: «Простота в искусстве — это не «разжеванность до мельчайших частичек», когда читатель до такой степени вечно ясно, что прочел, проглотил, и помнить не о чем. Нам нужно мастерство, нам нужны большие и «невротичные» мысли о нашем сложном времени... мир настоящего искусства — это сложный мир!»

Очредно сознавать, что большинство наших читателей думает так же. Читатели хотят, чтобы писатель помогал им широко видеть мир, глубоко понимать его, с тем чтобы действовать, строить, жить осознанней и мудреей.

Правильный ли это упрек? Требовать от литераторов ясности и простоты — спрашивали и законом. Но нам думается, Ираклий Абашидзе, исчерпывающе объясняет суть дела: «Простота в искусстве — это не «разжеванность до мельчайших частичек», когда читатель до такой степени вечно ясно, что прочел, проглотил, и помнить не о чем. Нам нужно мастерство, нам нужны большие и «невротичные» мысли о нашем сложном времени... мир настоящего искусства — это сложный мир!»

Очредно сознавать, что большинство наших читателей думает так же. Читатели хотят, чтобы писатель помогал им широко видеть мир, глубоко понимать его, с тем чтобы действовать, строить, жить осознанней и мудреей.

Правильный ли это упрек? Требовать от литераторов ясности и простоты — спрашивали и законом. Но нам думается, Ираклий Абашидзе, исчерпывающе объясняет суть дела: «Простота в искусстве — это не «разжеванность до мельчайших частичек», когда читатель до такой степени вечно ясно, что прочел, проглотил, и помнить не о чем. Нам нужно мастерство, нам нужны большие и «невротичные» мысли о нашем сложном времени... мир настоящего искусства — это сложный мир!»

Очредно сознавать, что большинство наших читателей думает так же. Читатели хотят, чтобы писатель помогал им широко видеть мир, глубоко понимать его, с тем чтобы действовать, строить, жить осознанней и мудреей.

Правильный ли это упрек? Требовать от литераторов ясности и простоты — спрашивали и законом. Но нам думается, Ираклий Абашидзе, исчерпывающе объясняет суть дела: «Простота в искусстве — это не «разжеванность до мельчайших частичек», когда читатель до такой степени вечно ясно, что прочел, проглотил, и помнить не о чем. Нам нужно мастерство, нам нужны большие и «невротичные» мысли о нашем сложном времени... мир настоящего искусства — это сложный мир!»

Очредно сознавать, что большинство наших читателей думает так же. Читатели хотят, чтобы писатель помогал им широко видеть мир, глубоко понимать его, с тем чтобы действовать, строить, жить осознанней и мудреей.

Правильный ли это упрек? Требовать от литераторов ясности и простоты — спрашивали и законом. Но нам думается, Ираклий Абашидзе, исчерпывающе объясняет суть дела: «Простота в искусстве — это не «разжеванность до мельчайших частичек», когда читатель до такой степени вечно ясно, что прочел, проглотил, и помнить не о чем. Нам нужно мастерство, нам нужны большие и «невротичные» мысли о нашем сложном времени... мир настоящего искусства — это сложный мир!»

Очредно сознавать, что большинство наших читателей думает так же. Читатели хотят, чтобы писатель помогал им широко видеть мир, глубоко понимать его, с тем чтобы действовать, строить, жить осознанней и мудреей.

Правильный ли это упрек? Требовать от литераторов ясности и простоты — спрашивали и законом. Но нам думается, Ираклий Абашидзе, исчерпывающе объясняет суть дела: «Простота в искусстве — это не «разжеванность до мельчайших частичек», когда читатель до такой степени вечно ясно, что прочел, проглотил, и помнить не о чем. Нам нужно мастерство, нам нужны большие и «невротичные» мысли о нашем сложном времени... мир настоящего искусства — это сложный мир!»

Очредно сознавать, что большинство наших читателей думает так же. Читатели хотят, чтобы писатель помогал им широко видеть мир, глубоко понимать его, с тем чтобы действовать, строить, жить осознанней и мудреей.

Правильный ли это упрек? Требовать от литераторов ясности и простоты — спрашивали и законом. Но нам думается, Ираклий Абашидзе, исчерпывающе объясняет суть дела: «Простота в искусстве — это не «разжеванность до мельчайших частичек», когда читатель до такой степени вечно ясно, что прочел, проглотил, и помнить не о чем. Нам нужно мастерство, нам нужны большие и «невротичные» мысли о нашем сложном времени... мир настоящего искусства — это сложный мир!»

Очредно сознавать, что большинство наших читателей думает так же. Читатели хотят, чтобы писатель помогал им широко видеть мир, глубоко понимать его, с тем чтобы действовать, строить, жить осознанней и мудреей.

Правильный ли это упрек? Требовать от литераторов ясности и простоты — спрашивали и законом. Но нам думается, Ираклий Абашидзе, исчерпывающе объясняет суть дела: «Простота в искусстве — это не «разжеванность до мельчайших частичек», когда читатель до такой степени вечно ясно, что прочел, проглотил, и помнить не о чем. Нам нужно мастерство, нам нужны большие и «невротичные» мысли о нашем сложном времени... мир настоящего искусства — это сложный мир!»

Очредно сознавать, что большинство наших читателей думает так же. Читатели хотят, чтобы писатель помогал им широко видеть мир, глубоко понимать его, с тем чтобы действовать, строить, жить осознанней и мудреей.

Правильный ли это упрек? Требовать от литераторов ясности и простоты — спрашивали и законом. Но нам думается, Ираклий Абашидзе, исчерпывающе объясняет суть дела: «Простота в искусстве — это не «разжеванность до мельчайших частичек», когда читатель до такой степени вечно ясно, что прочел, проглотил, и помнить не о чем. Нам нужно мастерство, нам нужны большие и «невротичные» мысли о нашем сложном времени... мир настоящего искусства — это сложный мир!»

Очредно сознавать, что большинство наших читателей думает так же. Читатели хотят, чтобы писатель помогал им широко видеть мир, глубоко понимать его, с тем чтобы действовать, строить, жить осознанней и мудреей.

Правильный ли это упрек? Требовать от литераторов ясности и простоты — спрашивали и законом. Но нам думается, Ираклий Абашидзе, исчерпывающе объясняет суть дела: «Простота в искусстве — это не «разжеванность до мельчайших частичек», когда читатель до такой степени вечно ясно, что прочел, проглотил, и помнить не о чем. Нам нужно мастерство, нам нужны большие и «невротичные» мысли о нашем сложном времени... мир настоящего искусства — это сложный мир!»

Очредно сознавать, что большинство наших читателей думает так же. Читатели хотят, чтобы писатель помогал им широко видеть мир, глубоко понимать его, с тем чтобы действовать, строить, жить осознанней и мудреей.

Правильный ли это упрек? Требовать от литераторов ясности и простоты — спрашивали и законом. Но нам думается, Ираклий Абашидзе, исчерпывающе объясняет суть дела: «Простота в искусстве — это не «разжеванность до мельчайших частичек», когда читатель до такой степени вечно ясно, что прочел, проглотил, и помнить не о чем. Нам нужно мастерство, нам нужны большие и «невротичные» мысли о нашем сложном времени... мир настоящего искусства — это сложный мир!»

Очредно сознавать, что большинство наших читателей думает так же. Читатели хотят, чтобы писатель помогал им широко видеть мир, глубоко понимать его, с тем чтобы действовать, строить, жить осознанней и мудреей.

Правильный ли это упрек? Требовать от литераторов ясности и простоты — спрашивали и законом. Но нам думается, Ираклий Абашидзе, исчерпывающе объясняет суть дела: «Простота в искусстве — это не «разжеванность до мельчайших частичек», когда читатель до такой степени вечно ясно, что прочел, проглотил, и помнить не о чем. Нам нужно мастерство, нам нужны большие и «невротичные» мысли о нашем сложном времени... мир настоящего искусства — это сложный мир!»

Очредно сознавать, что большинство наших читателей думает так же. Читатели хотят, чтобы писатель помогал им широко видеть мир, глубоко понимать его, с тем чтобы действовать, строить, жить осознанней и мудреей.

Правильный ли это упрек? Требовать от литераторов ясности и простоты — спрашивали и законом. Но нам думается, Ираклий Абашидзе, исчерпывающе объясняет суть дела: «Простота в искусстве — это не «разжеванность до мельчайших частичек», когда читатель до такой степени вечно ясно, что прочел, проглотил, и помнить не о чем. Нам нужно мастерство, нам нужны большие и «невротичные» мысли о нашем сложном времени... мир настоящего искусства — это сложный мир!»

Очредно сознавать, что большинство наших читателей думает так же. Читатели хотят, чтобы писатель помогал им широко видеть мир, глубоко понимать его, с тем чтобы действовать, строить, жить осознанней и мудреей.

Правильный ли это упрек? Требовать от литераторов ясности и простоты — спрашивали и законом. Но нам думается, Ираклий Абашидзе, исчерпывающе объясняет суть дела: «Простота в искусстве — это не «разжеванность до мельчайших частичек», когда читатель до такой степени вечно ясно, что прочел, проглотил, и помнить не о чем. Нам нужно мастерство, нам нужны большие и «невротичные» мысли о нашем сложном времени... мир настоящего искусства — это сложный мир!»

Очредно сознавать, что большинство наших читателей думает так же. Читатели хотят, чтобы писатель помогал им широко видеть мир, глубоко понимать его, с тем чтобы действовать, строить, жить осознанней и мудреей.

Правильный ли это упрек? Требовать от литераторов ясности и простоты — спрашивали и законом. Но нам думается, Ираклий Абашидзе, исчерпывающе объясняет суть дела: «Простота в искусстве — это не «разжеванность до мельчайших частичек», когда читатель до такой степени вечно ясно, что прочел, проглотил, и помнить не о чем. Нам нужно мастерство, нам нужны большие и «невротичные» мысли о нашем сложном времени... мир настоящего искусства — это сложный мир!»

Очредно сознавать, что большинство наших читателей думает так же. Читатели хотят, чтобы писатель помогал им широко видеть мир, глубоко понимать его, с тем чтобы действовать, строить, жить осознанней и мудреей.

Правильный ли это упрек? Требовать от литераторов ясности и простоты — спрашивали и законом. Но нам думается, Ираклий Абашидзе, исчерпывающе объясняет суть дела: «Простота в искусстве — это не «разжеванность до мельчайших частичек», когда читатель до такой степени вечно ясно, что прочел, проглотил, и помнить не о чем. Нам нужно мастерство, нам нужны большие и «невротичные» мысли о нашем сложном времени... мир настоящего искусства — это сложный мир!»

Очредно сознавать, что большинство наших читателей д

В СОВРЕМЕННОЙ ЭФИОПИИ

ДАЖЕ теперь, когда с географической карты мира стерты почти все «кленовые патны» и нет на земле места, где не побывал бы в поисках неизвестного пытливый исследователь или просто жаждый до нового человека, на долю путешествующего журналиста выпадают подчас радости первооткрытий. Если бы меня спросили, какая из моих поездок была самой интересной, я без колебаний назвал бы полугодовую работу по съемкам фильма «Современная Эфиопия». Именно в этой поездке открытия подкинули нас на каждом шагу.

Вооруженные до зубов книжными знаниями об Эфиопии, ее истории, обычаях и жизни народа, кинооператор Георгий Земцов и я автор этих строк сошли с самолета на бетонную аэродромную в Аддис-Абебе. И уже здесь, не аэродроме, рядом с самолетом эфиопской авиакомпании, на флюзаже которого был изображен большой желтый лев с поднятой лапой, мы почувствовали, как жизнь обогнула справочную литературу и насколько действительность ярче, богаче наших представлений и ожиданий.

В коротких заметках невозможно рассказать обо всем интересном, что нам удалось узнать, увидеть, встретить, снять. Трудно уложить в пятьдесят минут фильма рассказ о жизни целого народа, хотя кинематографическая минута — вещь очень емкая. Поразила нас великолепная, щедрая до расточительности и многообразная природа Эфиопии; ее суровые горы и плодородные долины; знонные пустыни и душно-влажные зеленые непролазные джунгли; незабываемая зеркальная гладь легендарного озера Тана и бешенство водопадов Тиссисат; величие каньона Аббай — Голубого Нила — и прозрачный прибой Красного моря...

Все контрасты, разнообразие пейзажа, многогранность страны уже сами по себе делают ее незабываемой. Но главным впечатлением остаются, конечно, успехи страны — ее значительный прогресс в экономике, технике, культуре. И сам народ, жаждый к знаниям, к новому, трудолюбивый и талантливый, темпераментный в веселье и в труде, всегда доброжелательный и приветливый.

Мягкие линии холмов, на которых раскинулась Аддис-Абеба — молодая столица Эфиопии, создают ощущение тишины и покоя. В серебристо-голубоватой листве звякают уточку большая полу-миллионная город Аддис-Абеба, что на амхарском языке означает «Новый цветок», лежит на высоте 2430 метров над уровнем моря. Но другим представляется «Новый цветок», когда попадаешь на его улицы. Сутолока большого восточного города, смуглые лица и сверкающие белки глаз, чужая, незнакомая речь, темные кривые улички, по которым бегут за прохожими маленькие лотошники с мелким галантерейным товаром, и тут же прямо на улице портные строчат на допотопных швейных машинках. С ними на голове торчат разноцветные закутанные в белые одеяния, но с открытыми лицами, величественно и неподвижно восседающие женщины на своеобразных двухколесных «гарриах». А на центральных улицах — здания европейского типа, зеркальные витрины магазинов. Здесь — царство автомобилей. Сверкая лаком и хромом, льется в часы пик непрерывный поток автомашин новых марок, напоминая о том, что и древняя Эфиопия живет ХХ веке. На улицах у радиорадиодикторов всегда стоят слушатели в «шаммах» — национальном наряде. У решетки дворцового парка застыли часовые императорской гвардии. Кусочек львиной шкуры украшает скобку их шлемы. Яркий южный свет заливает головы, даря аромат от зноя, и тени кажутся особенно глубокими...

Смеси традиционных и новых форм жизни характерна не только для молодой столицы Эфиопии, но и для всей страны. Особенно ярко мы почувствовали это далеко на севере Эфиопии. Там, за тысячу километров от Аддис-Абебы, за десятки горных перевалов лежит небольшой город Аксум. Сейчас это провинция, но еще в самом начале нашего летосчисления здесь была пищевая столица древнего государства, и отсюда правили страны первые императоры Эфиопии.

И вот здесь, у гранитных громад, мы встретили группу школьников: директор аксумской школы привел их на урок национальной истории. Седое прошлое страны стало лицом к лицу с ее будущим. Нас поразила глубокая символичность этой картины, характерная для всей жизни нашей Эфиопии.

Работницы текстильной фабрики в городе Дире-Дава (Эфиопия). Фото автора